

154

Воскресенье, 19 іюня 1916

Иркутской городской библиотеки

Цѣна 5 к

ИРКУТСКАЯ ЖИЗНЬ

Газета политическая, литературная и экономическая, выходить въ Иркутскѣ ежедневно.

Объявленія: для Иркутска и Вост. Сибири за строку пята: впереди текста 20 к., позани 1/2. Редакция для личныхъ объясненій открыта ежедневно съ 12 до 1 часу дня (ул. Тихвинская).

Обреченный Чеховъ.

(Письма А. П. Чехова, т. VI, 1900—1904 г.)

И все то ему было некогда со своими задачами, переживаниями, лечением, знакомыми, таганрогской библиотекой... И въ результатъ именно «проморгалъ» свою жизнь. Невсегда подумать, некогда прочувствовать, нежить заразить, увлечься загореть. Растерялъ со немногоу драгоценнейшую искру свою и огня не захватил. Да и лампадки уюта не зажегъ ни въ душѣ своей, ни возлѣ себя.

— «... Я давно растерялъ свою вѣру и только съ недоумѣніемъ поглядываю на всякаго интеллигентнаго вѣрующаго...»

Поглядывалъ съ недоумѣніемъ. Откуда ждали гдѣ почерпнуть вѣру свою эти интеллигенты? Во истину Чеховъ «проморгалъ» и русскую интеллигенцію, и зарожение ея теперешняго религиознаго облика. Когда С. Дятловъ въ 1903 г. приглашалъ Антона Павловича въ редакторы «Мира Искусства», центръ тогдашнихъ умственныхъ и организаторскихъ силъ, религиознаго искательства. Чеховъ съ удивленіемъ понималъ влеченіе:

— «... Какъ бы это я ужился подъ одной крышей съ Д. С. Мережковскимъ, который вѣруетъ опраделенно, вѣруетъ учительски...»

Итакъ, не было вѣры, огня, идеи... Отсутствие вѣры дѣлаво слабымъ, безвольнымъ. Безъ творческаго огня Чеховъ создавалъ хмурыхъ людей описывалъ ввертывахъ многотысячъ обывателей. Безыдейные сюжеты и персонажи смущаютъ и до сихъ поръ русскихъ критиковъ.

— «Я почти ничего не пишу», пишетъ онъ Горькому; «я занимаюсь только тѣмъ что все жду момента, когда же наконецъ можно будетъ написать романъ...»

Не дождался Чеховъ этого момента. Все было некогда. Не «засаживался», а присаживался къ столу. А присаживался часто. Но такъ опѣнно, жарено набрасывалъ лепроцѣнное, непереварившееся...

— «... А литературная профессія сама по себѣ изматываетъ. За неудачами и разочарованиями быстро проходитъ время, не видишь настоящей жизни, и прошлое, когда я былъ такъ свободенъ, кажется уже не моимъ, а чужимъ...»

Не видѣлъ настоящей жизни, не видѣлъ. Это ужасная, грустная правда.

И весь онъ въ послѣдствіи томъ своихъ писемъ грустный, больной совершенно, растерявшій друзей, растерявшій свои улыбки, свою молодость. Роковая болѣзнь обрала на немъ близкое... Страшно читать эти предсмертные письма. Нѣтъ обычныхъ чеховскихъ шутокъ, остроумъ, вымысловъ, столь щедро разбросанныхъ въ первыхъ томахъ. Съ многократныхъ портретовъ смотри на всѣхъ грустный, больной, обреченный Чеховъ.

И такъ хочется сказать, гдѣ же

эти портреты, но институтски скажутъ: — Милый, славный, хороший Чеховъ...

В Романову принадлежитъ удачное, вѣрное опредѣленіе: — «Прелестное дѣтя»...

Вотъ именно дѣтя, именно прелестное.

Даже романа во всю жизнь не видалъ. Хотя бы немного увлекся, оживилъ, расцвѣлъ...

И женился какъ то страшно. Безъ энтузіазма, восторга, волненія, радости, любви...

Только и отиѣгалъ сухо въ письмѣ Горькому: — «... супруга моя оказалась очень доброй, очень заботливой, и мнѣ хорошо...»

Супруга «оказалась» доброй, заботливой. А могла и не оказаться? Значить не зналъ, не любилъ, не вѣровалъ, не растворялся въ ней и не преламывалъ въ себѣ?

Больно, трудно и почти невыносимо съ полета касаться интимнаго, и такъ и лѣзть коварнымъ въ ро... влюбилъ его жена? Не зналъ, ничего не зналъ. И въ этомъ... этого совоѣнъ не видимъ. Только и было въ 5 томѣ:

— «Милая актриса... вѣнскій писатель мнѣ, что за то, чтобы увидѣть меня теперь, вы дали бы только три копѣйки, — такъ вы съ нимъ ему — благодарю васъ, — вы очень щедрый. Но прождать немного времени, еще нѣсколько — другой, и вы не дадите уже и двухъ копѣекъ! Какъ мѣняетъ люди!»

Быть можетъ со стороны его невѣсты это неловкая фраза, со стороны же Чехова обидная шутка. Быть можетъ. А почему же такъ грустно и больно за Чехова? И почему не лезть сердцемъ къ этой даровитой и «милый актрисѣ»? Можетъ тутъ есть тайна, которая будетъ ясна по опубликованіи писемъ Чехова къ женѣ? Кавалеръ Чеховъ и тайна! Немыслимо, непостижимо. У Чехова не было тайнъ, не могло ихъ быть.

Вѣдь онъ же — «прелестное дѣтя». Какія же тутъ тайны, надрыны? У Чехова не было ничего трагическаго, особеннаго, непонятнаго въ жизни и натурѣ.

— «Мнѣ скучно не въ смыслѣ weltenschmerz, но въ смыслѣ тоски существованія, а просто скучно безъ людей, безъ музыки, которую я люблю, и безъ женщинъ, которыхъ въ Ялтѣ нѣтъ. Скучно безъ игры и безъ кислой капусты...» (Письмо къ Горькому 15 го февраля 1900 г.)

Какая ужъ тамъ міровая боль, тоска существованія... Просто скучно безъ людей. У Чехова все просто. И къ музыкѣ относится просто и къ женщинамъ... Не парализовалъ, не угнеталъ...

У Чехова не было воспоминаній. «Воспоминанія, какъ острый ножъ они!» Чеховъ этого не понималъ.

«Какъ хороши, какъ сѣжи были розы... Чеховъ же скажетъ бы, не по-

думалъ бы Развѣ вспомнилъ бы великодушную иеру и кислую капусту...

Что же это? обывательщина? О, нѣтъ! Только не обывательщина. Обыватели — это толстокожіе. А Чеховъ былъ нервный, чуткій, отзывчивый, наблюдательный, безлокожный...

Вотъ только все было некогда со своимъ леченіемъ, задачами, знакомыми, заработками.

И прошла жизнь мимо...

Мих. Казанцевъ.